

Валерия Гуменюк

Свобода выбора

Дипломные спектакли выпускников актерских вузов в большинстве своем живут недолго. Нечасто им выпадает возможность продлить существование в стенах репертуарного театра. К таким счастливицам относятся работы учеников Сергея Голомазова, профессора, руководителя мастерской в ГИТИСе, воспитавшего несколько поколений актеров и режиссеров.

Особенно удачными, запоминающимися стали спектакли по пьесам классического репертуара, чья сценическая жизнь продолжилась и после выпуска курса. В 2010-м так случилось с «Бесами» Достоевского, перенесенными на основную сцену Театра на Малой Бронной, куда годом позже перешла и «Палата № 6» – дипломный спектакль режиссера Артемия Николаева по произведениям Чехова. В Театре им. Булгакова до сих пор идут «Дни Турбиных» Татьяны Марек, ученицы Голомазова, с актерами-выпускниками того же 2010 года, большинство из которых влились в труппу Театра на Малой Бронной.

«Три сестры» мастерской Павла Хомского и Сергея Голомазова на актерском факультете ГИТИСа, а также «Волки и овцы» Островского, получившие Гран-при фестиваля «Твой шанс» в 2014-м, теперь тоже играют в Театре им. Булгакова, а «Княжна Марья» по сценам романа «Война и мир» в постановке Сергея Посельского обрела приют на Малой сцене Театра на Малой Бронной.

«Мещане. Попытка прочтения» по пьесе Максима Горького – пожалуй, самый длинный спектакль из всех нынешних и бывших студенческих работ на курсах Хомского и Голомазова – идет три с лишним часа. Интересно, что для постановок Театра на Малой Бронной его худрук выбирает пьесы современных российских и зарубежных авторов. А в институте предпочитает классику. Начиная актер, возможно, охотней и радостнее пустится в эксперименты, чем более опытный коллега, обремененный знаниями о том, кто и как играл роль, скажем, Тузенбаха. Меньше знаний – меньше тяжелого груза ответственности. Больше легкости, восприимчивости, тогда появляются не залакированные образы, не легендарные три сестры, а три девочки – Оля, Маша, Ира.

Масштабные декорации на студенческой сцене тоже не выстроишь. В качестве оформления обычно используют только предметы мебели, но этот недостаток с лихвой окупается игрой воображения. И тогда табуретки в «Бесах» становятся важным сценографическим элементом спектакля, как и деревянные кофры для перевозки декораций в «Трех сестрах», работающие то шкафами, то скамейками, то гробами. В «Мещанах» значимым центром оказывается длинный стол, напоминающий любому человеку репертуарного театра, не только о домашнем обеде, но и о незыблемой традиции – первой читке пьесы перед началом репетиций. Отсюда и родилось добавление к названию – «Попытка прочтения».

«Мещане. Попытка прочтения». ГИТИС. Сцена из спектакля.
Фото С. Апанасенко

Так семейная ритуальность, которой пронизана горьковская пьеса, становится поводом для размышления о выпестованных годами обычаях, в том числе, репертуарного театра.

Ежегодный сбор труппы, предпремьерный показ «для пап и мам», присвоение званий, непрменные наблюдения, кто с кем здоровается, уклад огромного хозяйства, живущего по своим правилам.

В этом подходе, высматривающем параллели в семейных и коллективных традициях как залоге бытовой незыблемости, есть дань уважения, смешанная с горькой иронией, открывающаяся в полном объеме, конечно, достаточно посвященному зрителю. Степень значительности происходящего, значимости устоев задается в самом начале тем, как мерно, тщательно, аккуратно приглаживая, разворачивают скатерть, расставляют на одинаковом, идеально выверенном расстоянии стаканы с карандашами и бутылочки с водой. За столом читают, едят, пьют, под столом прячутся – от стола, как от семейных традиций, никуда не деться. Неудавшееся самоубийство Татьяны словно на время подрывает основы: в третьем действии стол встает на дыбы, его – со всеми, разложенными на нем книжками, тетрадками, ручками, бумажками, стаканчиками кофе – разворачивают так, будто зритель смотрит на него сверху. В четвертом действии стол возвращается в исходное положение, только разворачиваясь вглубь сцены, в бесконечность.

В «Мещанах» Сергея Голомазова говорится не только о проблеме поколений и взаимном недопонимании. Это в первую очередь трагедия властного человека, который теряет свою силу, знает это и не может принять. Это трагедия молодых, запертых в клетке навязанных законов и не имеющих силы что-то изменить. Это обычная для племени смена одного вожака другим. Нет правых или виноватых, победителей или побежденных – есть сильные и слабые. В спектакле главным становится Человек, его внутренняя сила и выбор, который он совершает.

Виктор в «Варшавской мелодии» выбирает между любовью и общественным долгом. Джон Проктор в «Салемских ведьмах» – между правдой и ложью. Из многочисленных точек выбора составлена вся логика спектакля «Формалин». Режиссер словно размышляет о неспособности героя что-то изменить. Отсутствие силы есть отсутствие внутренней свободы, свободы чувствовать, поступать по своей природе, по своим собственным законам. Джон Проктор, подписав признательное показание, разрывает его, оставаясь верным себе до конца. Свобода и ее отсутствие становится главной темой и спектакля «Мещане».

Говорят, что слонов приучают к неволе, еще в детстве привязывая за ногу цепью к столбу, который маленький слоненок не может вырвать, как ни старается. Когда животное вырастает, оно прекращает попытки освободиться, несмотря на то, что теперь это было бы возможно. Непререкаемый авторитет Бессеменова – та самая цепь для его уже взрослых детей, от которой они не могут избавиться, испытывая внутреннюю немощь и отвращение к себе и другим. В этом законсервированном бессилии что-либо изменить «Мещане» созвучны чеховским пьесам – крик: «Пропала жизнь» мог бы прозвучать из уст Татьяны или Тетерева. Но у Чехова в пьесах нет такой мощной, архетипической фигуры отца, подобной карающему Зевсу-громовержцу, как в «Мещанах». Бессеменов в спектакле Сергея Голомазова – безусловная актерская удача Ильи Антоненко. Он играет не возраст, а властную, звериную, хитрую, непредсказуемую природу своего персонажа. Его герой олицетворяет не только древний страх перед отцом-прародителем, страх ослушаться, страх пойти поперек правил. Он обладает наглой житейской хитростью, забравшей себе власть распоряжаться порядком жизни других. Его Бессеменов не ходит, а стелется или хищной птицей перелетает со стула на стол. То ли он улыбнуться хочет, то ли зубы скалит. То ли шутит, то ли всерьез говорит, от чего другие опускают глаза в землю и не могут слова вымолвить. В нем властность

сменяется лукавой угодливостью, смех – едким попреком, яростное негодование – искренними слезами обиды. Это как шкала мощности урагана, на которую все смотрят в напряжении: что будет в следующую секунду? Рванет или нет? Что-то очень странное, липкое, вязкое, как морок, распространяется в доме этого человека, что заставляет его обитателей чахнуть. Страдает бледная, болезненная Татьяна – Дарья Петрова, мучаясь от неразделенной любви; изводится нервный Петр – Александр Смирнов – от собственной беспомощности противостоять отцу. Одета в черное, похожая на монашенку, закутанная, застегнутая на все пуговицы мать (у этой роли две исполнительницы – Авелина Квасова и Марика Шмуксте) ходит тенью вслед за мужем, бдительно следит за порядком в доме, обедом, чистотой полов и личными делами детей.

Беспробудно пьет и декламирует стихи Тетерев – Александр Танхилевич, не просто певчий, а мрачный циничный интеллигент; пьет, потому что тоже не чувствует себя сильнее Бессеменова и жизни, а значит тоже не может изменить этот однообразный, стылый, вязкий порядок. Лишь цветущая Елена (Юлия Степаненко, Валентина Поломошнова и Софья Володчинская) разрушает звенящую пустоту своим щебетом, да еще Перчихин, которого Никита Кологривый играет так, что на ум приходит эпитет «трагический клоун» – так называли Льва Дурова. В порванной на локте рубашке, потрепанной вязаной шапке с помпоном, в очках с дужками, обмотанными какими-то тряпками, этот добродушный, невозможно комичный Перчихин, мастерски подражающий пению птиц, – полная противоположность Бессеменову, единственный луч света. Все остальные пребывают в тотальной глухоте.

Сергею Голомазову удастся замаскировать напряженную внутреннюю боль каждого из персонажей едким, неожиданным юмором. Самые драматичные моменты разряжаются то гримасами балагура Перчихина, то циничными замечаниями полупьяного Тетерева, то кокетством красавицы Елены. И этот смех облегчения еще больше подчеркивает мучительное состояние людей, загнавших друг друга в тупик настолько, что им сложно понять и услышать друг друга. Здесь нет правды – ни общей, ни индивидуальной, слишком все искажается под гнетом главы дома, выстраивающего единственный верный для него порядок.

В «Мещанах» некоторые роли играют в течение спектакля разные артисты. Смена исполнителей подчеркивает трансформацию

«Мещане. Попытка прочтения». ГИТИС.
Ю. Макарова – Поля, Д. Петрова – Татьяна, И. Антоненко – Бессеменов,
А. Смирнов – Петр. Фото С. Апанасенко

персонажей, их эмоциональное состояние. Так, например, во втором действии Петра играет Никита Кологривый, исполняющий также роль Перчихина. Это сцена ссоры Петра с Бессеменовым, и подмена актера символична: будто старый Перчихин, укорявший Петра в бездействии, перевоплощается в него самого и поднимает бунт против отца. Молчаливую, застенчивую Полю Александры Розановой в четвертом действии сменяет уверенная в своей правде Поля Юлии Макаровой, а вместо очаровательной хохотушки Елены в исполнении Юлии Степаненко выходит роковая, решительная красавица Софьи Володчинской.

«Мещане» замечательны тем, что не дают зрителю возможности принять сторону кого-либо из персонажей. Здесь нет ни героев, ни злодеев. Властная, требовательная ехидность Бессеменова прикрывает растерянность и боль от того, что рушится порядок, а вместе с ним и весь мир. Татьяна одновременно любит и ненавидит родителей, задыхаясь от невозможности вырваться из удушающей действительности. Петр разрывается между любовью к Елене и страхом всерьез заявить о своих чувствах.

Замкнутый круг: Бессеменова раздражает нежизнеспособность его потомков, а Татьяна и Петр не могут выжить под давлением отца. Только Нил – Артем Губин будто бы может ему противостоять. «Свежий», как его называет Татьяна, сильный, крепкий, так и пышет здоровьем

«Мещане. Попытка прочтения». ГИТИС.
Сцена из спектакля. Фото С. Апанасенко

и молодостью. Нил знает, как по-настоящему правильно и что такое хорошо, у него своя, новая, радостная и логичная правда о жизни. Нил – вот он, потенциальный альфа-самец, готовый потеснить постаревшего лидера прайда. Он и жену выбирает себе под стать, верную опору, которой не обязательно много понимать, главное – кормить его и заботиться. Любо-дорого глядеть на идеальную пару, когда вернувшийся с работы Нил с аппетитом поедает обед, поданный заботливой Полей, с гордостью наблюдающей за будущим мужем.

Так Нил, сам того не подозревая, выбирает дорогу, протоптанную приемным отцом. Эта радостная сила, чрезмерная уверенность в себе уже сейчас предрекает будущий деспотизм и нетерпимость к вялым существам вроде Татьяны и Петра. Поразительно, что Бессеменов это чувствует, видит скорость, с которой Нил набирает уверенность в противостоянии, и, конечно, не хочет с этим мириться. Это схватка не на жизнь, а на смерть. Вдребезги бьется об пол посуда. Хохот Бессеменова переходит в звериный рык: «Люди добрые, у меня Нилка в доме хозяйин!» Когда очередная попытка примириться со всеми в порыве объединяющей любви закончится провалом, он, Бессеменов, выберет себя, свою правду. Останется хозяином до конца, прогнав всех – бунтующего Нила, непутевого Петра. Подобно спартанцам, сбрасывавшим больных детей со скалы, отвергнет даже слабую, цепляющуюся за него Татьяну,

«Мещане. Попытка прочтения». ГИТИС. Сцена из спектакля.
Фото С. Апанасенко

приговаривая, впечатывая, почти с нежностью вшептывая в голову дочери, как проклятие: «Доченька, и ты уходи. Или тебе не к кому? Или тебе некуда? Или ты прозевала?» Бывает так, что человек, отторгая всех, не в состоянии сдвинуться, что-то изменить или измениться, остается в одиночестве на том же месте. В спектакле Сергея Голомазова мещане – те, кто, словно срастаясь со своим местом, тонут, как в зыбучих песках, в застывших предубеждениях. В этих «Мещанах» наружу выворачивается все, о чем вы боялись сказать. Какое бы у вас ни было счастливое детство, то, о чем играют, будет понятно – этот липкий страх, стыд, чувство собственной неадекватности, смех от боли и ощущения собственного бессилия. Этот спектакль, удивительный в своей исповедальности, в своей ошеломляющей откровенности обнажает скрытые чувства и затаенные мотивы. Он поставлен и сыгран современным театральным языком, говорящим на темы звеняще актуальные, вечные. Каждому зрителю кажется, что это про него, значит, там, внутри, заложено что-то очень личное, чем не побоялись поделиться мастер курса и доверившиеся ему студенты.